Кучева А.В., Мордвинцева В.С. Повседневная жизнь советского человека в послевоенный период (40–50-е годы XX века): основные стратегии выживания и преодоления травмы // *Технологос*. – 2019. – № 3. – С. 73–83. DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.3.06

Kucheva A.V., Mordvintseva V.S. Everyday Life of Soviet People in Postwar: Survival Strategies. *Technologos*, 2019, no. 3, pp. 73-83. DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.3.06

DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.3.06

УДК 316.62(47+57)"194/195"

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (40–50-Е ГОДЫ XX ВЕКА): ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРАВМЫ

А.В. Кучева¹, В.С. Мордвинцева²

¹Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

²Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 18 июля 2019 г.
Принята: 17 сентября 2019 г.
Опубликована: 04 октября 2019 г.

Ключевые слова:

повседневная жизнь, теории практик М. де Серто, война, теория травмы, стратегии адаптации, рефлексия военного опыта.

АННОТАЦИЯ

Рассматривается влияние последствий войны на советское общество в контексте актуального в настоящее время концепта травмы. Автор исходит из предположения, что война – травматогенное социальное потрясение, оказавшее разрушительное влияние как на участников военных действий, так и на последующие поколения. Цель работы – интерпретировать состояние травмы, причиной которой явилась война, и выявить процесс адаптации к ней советского общества в послевоенный период. Новизна исследования заключается в изменении ракурса изучения последствий войны для советского общества: основное внимание уделяется включению в исследовательское поле «будничного» пласта повседневного существования, характеризующегося негативными аспектами, такими как подневольная работа, хронический голод и нищета, скученность жизни; выясняется восприятие войны и ее последствий конкретными представителями послевоенного социума. На основе теории практик М. де Серто и анализа архивных материалов и собранных авторами интервью проведена реконструкция повседневной жизни советского общества. Изучены адаптационные модели, которые сложились в сфере обеспечения населения продуктами питания, непродовольственными товарами, жильем. Изменившиеся в ходе войны условия поставили человека в критическую ситуацию, которая активизировала его способности к адаптации и поиску возможностей для обеспечения себя всем необходимым для выживания, сохранения индивидуальной идентичности. Авторы пришли к выводу, что обществом были использованы пассивные индивидуальные стратегии совладания с травмой, которые можно охарактеризовать как приспособление к травме в процессе травмирования, в результате чего проявилось действие механизма рутинизации травмы.

© ПНИПУ

© Кучева Анастасия Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и истории, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0865-3538>, e-mail: kucheva.a@mail.ru.

© Мордвинцева Валентина Самуиловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9596-152X>, e-mail: mordvintseva@inbox.ru.

© Anastasiya V. Kucheva – PhD, Associate Professor, Department of Public Administration and History, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0865-3538>, e-mail: kucheva.a@mail.ru.

© Valentina S. Mordvintseva – PhD, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9596-152X>, e-mail: mordvintseva@inbox.ru.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

EVERYDAY LIFE OF SOVIET PEOPLE IN POSTWAR: SURVIVAL STRATEGIES

Anastasia V. Kucheva¹, Valentina S. Mordvintseva²

¹Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

²Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 18 July 2019

Accepted: 17 September 2019

Published: 04 October 2019

Keywords:

everyday life; theories of practice
M. de Serto; Second World War;
theory of trauma; adaptation strategies;
reflection of the war experience.

ABSTRACT

It has been considered the influence of the World War II on the Soviet society in the context of trauma concept relevant nowadays. The author proceeds from the assumption that World War II is traumatogenic social shock rendering destructive impact both on the participants of the war and on the subsequent generation. The aim of the work is to interpret the condition of trauma, the reason of which was the Second World War, and to identify the process of adaptation of the Soviet society in the post-war period. The novelty of the research consists in the change of the investigation angle of war effects for the soviet society: general attention is paid to the inclusion of "everyday" existence characterized by such negative aspects as dependent work, chronic hunger, poverty and overcrowding in the research field; it is clarified the perception of war and of its aftermath by definite persons of post-war social medium. On the base of M. De Serto theory of practices and the analysis of the achieve materials the reconstruction of everyday life of the soviet society has been made by the author. Adaptation models which formed in the sphere of population supply of food, goods and accommodation have been studied. Conditions which were changed during the period of war placed people into critical situation; and that situation promoted their ability to adapt and find the possibilities for supplying themselves with all things necessary for survival and for saving individual identity. The author has concluded that society used passive individual strategies of trauma control. These strategies can be characterized as adaptation to trauma in the process of traumatizing resulted in the appearance of trauma conventionalization mechanism.

© PNRPU

Советское общество в XX веке испытало значительные социальные потрясения, которые характеризуются резкими, быстрыми изменениями, происходящими в короткие сроки. Охватывая различные области общественной жизни, они затрагивают главные для социума ценности, правила, убеждения и имеют негативные последствия. Такого рода социальные изменения можно квалифицировать, используя терминологию П. Штомпки, как травматогенные [1, с. 475]. Многие из этих событий или некоторые их аспекты и их значение для общества долгое время не были предметом научного анализа, оказавшись вытесненными в зону анти-памяти, что привело к непроработанности травмы.

К числу таких событий, не все стороны которых были описаны в силу их масштабности и трагичности и интегрированы в коллективную память, может быть, несомненно, отнесена война – травматогенное социальное потрясение, оказавшее разрушительное влияние как на участников военных действий, так и на все последующие поколения.

Непроработанность травмы, недостаточная степень вербализации трагических последствий войны может приводить к негативному влиянию на формирование коллективной идентичности народа, препятствуя пониманию исторических перспектив его развития.

Актуальность исследования обусловлена тем, что послевоенный период в аспекте осознания обществом травмирующих последствий Великой Отечественной войны не был предметом специального изучения. Вопрос, насколько негативный опыт, полученный в годы войны, интегрирован в общественное сознание, остается открытым.

Исследование осуществляется в рамках антропологического подхода к изучению исторических явлений с обращением к принципу междисциплинарности, выражающемуся в необходимости привлечения методологического и теоретического аппарата таких наук, как социология, культурология, историческая психология. Это обусловлено тем, что использование парадигмы травмы для анализа последствий исторических событий основывается на сформированном в этих науках

концепте травмы (см., например [2, 3]). Представленная в статье реконструкция повседневной жизни советского общества осуществлена с опорой на теории практик М. де Серто [4].

Цель работы – интерпретировать состояние травмы и выявить процесс адаптации к ней советского общества в послевоенный период. Предполагается изучение стратегий и тактик выживания населения в условиях социальных катаклизмов, где под «стратегиями» понимается определенная система типичных повседневных действий, позволяющих людям, сохранив свою идентичность, стать частью меняющегося социума.

Новизна проведенного исследования заключается в изменении ракурса изучения последствий войны для советского общества. Война как колоссальное разрушительное событие имеет две составляющие: с одной стороны, это ее результат – Победа, символ объединения народа перед лицом угрозы государственным интересам, остающийся и по настоящее время главной точкой опоры национального самосознания [5, с. 25]; с другой стороны, огромное количество погибших как на фронтах, так и в тылу от нечеловеческих условий жизни, тяжкий труд, страх, лишения, перенапряжение, трудные послевоенные годы.

Авторы статьи исходят из сложившегося в науке мнения, что в советском обществе образовалось большое количество зон «умолчания», в том числе и некоторые негативные последствия войны, которые не были в полной мере проговорены и осмыслены на индивидуальном и коллективном уровнях (см., например [6]). Такое общество остается в состоянии «переживания» травмы, что сказывается на формировании коллективной идентичности народа в последующие исторические периоды, приводит к кризису идентичности, переходу идентичностей на социальный микроуровень, индивидуализации идентификационных стратегий [7, с. 28]. Потому одной из задач исследования было включение в исследовательское поле «будничного» пласта повседневного существования, подневольной работы, хронического голода и нищеты, скученности жизни; выяснение восприятия войны и ее последствий в послевоенный период.

Автор решает поставленные вопросы с опорой на источниковую базу, включающую исторические документы разных типов. Одним из продуктивных подходов при выявлении культурной травмы является использование устных исторических источников.

Наиболее целесообразным способом получения информации о картине мира субъекта в тот или иной момент истории авторы считают нарративное интервью, не ограниченное жесткими рамками опросника, дающее возможность говорящему сообщать определенные сведения о себе в свободной форме, осознавать себя и свое отношение к происходящему. Поскольку речь идет о войне и послевоенном времени, очевидно, что респонденты – люди весьма преклонного возраста – 1916–1937 годов рождения, в основном женщины (29 женщин и 17 мужчин), что объясняется негативными демографическими последствиями войны в исследуемый нами период. Очевидно, что во время войны они были разного возраста, принадлежали к разным социальным группам, их степень участия в военных событиях обусловлена многими личными факторами. Такое разнообразие судеб респондентов дает возможность создать объемную картину повседневного существования человека военного и послевоенного времени и выявить степень осознания войны как травмы.

Для интерпретации личного опыта информантов используются не только классические методики нарративного интервью, но и опыт психологии, позволяющий осуществить критическое проникновение во внутренний мир респондента. Наблюдение за эмоциональными реакциями респондентов и их рефлексией сказанного приводит к отчетливому пониманию того, что вербализация травмирующих событий прошлого в определенной мере играет роль психо-

терапевтического средства, позволяющего таким образом на личностном уровне преодолеть трагический опыт прошлого.

В данной статье проводится реконструкция повседневной жизни советского общества в послевоенный период, воссоздается индивидуальный опыт людей в кризисной ситуации. Говоря о реконструкции повседневности общества в послевоенные годы, следует отметить условность такого обобщения, принимая во внимание, что, как справедливо отмечает А.С. Кимерлинг, «будничность мир повседневности не мог быть единым, поскольку единым не было и само общество [8, с. 10]. Социальные группы (от колхозников до интеллигенции), составлявшие советское общество, имели свой круг повседневных практик и методов адаптации, несмотря на некую общность социального пространства. Место в социальной стратификации общества, занимаемое респондентом, не могло не сказаться на восприятии действительности, отраженной в воспоминаниях, однако объем устных исторических источников, послуживших материалом для анализа в данной статье, не позволяет в полной мере сконцентрировать внимание на обусловленности адаптационных стратегий социальными факторами. Основное внимание уделяется объединяющим чертам: изменившиеся в ходе войны условия ставят человека в ситуацию, которая активизирует его способности к адаптации и поиску возможностей для обеспечения себя не только всем необходимым для выживания, но и для сохранения индивидуальной идентичности.

Конкретные жизненные сюжеты, отложившиеся в памяти людей и зафиксированные в интервью, следует соотносить в процессе реконструкции повседневности и выявления адаптационных стратегий с основными чертами эпохи, ведущими идеологемами той поры. Необходимость такого подхода объясняется тем, что, по мнению О.Л. Лейбовича, повседневность послевоенного периода, как никакого другого, нельзя отождествлять только с личностно ориентированными практиками, так как при этом останется за пределами внимания исследователя большая часть жизни людей в обществе, где власть целенаправленно вторгалась в частную жизнь. И, кроме того, повседневность – это не только практики, но и ментальные категории, общие ценности и установки, в соответствии с которыми строятся событийные оценки [9, с. 254–255].

Жизненные сюжеты респондентов разнятся в силу, как уже было отмечено, их возраста и места в социальной стратификации общества, но есть повторяющиеся характеристики времени, позволяющие понять их значимость в повседневном послевоенном существовании общества в целом.

И прежде всего это продовольственная проблема. Если историки сухо определяют ситуацию с продовольствием в послевоенный период как «скрытый голод» [10, с. 95], то воспоминания респондентов более эмоциональны и передаются словами «всегда хотелось есть», «голодно было». Объективные причины тяжелого положения с продовольствием в послевоенное время хорошо известны и изучены историками, субъективные переживания ярко отражены в рассказах тех, кому каждый день приходилось думать о хлебе насущном.

В военные и первые послевоенные годы в стране действовала карточная система на продовольственные и промышленные товары. Именно с ней ассоциируется значительное число трудных воспоминаний о времени после войны. Ограничения, которые были с ней связаны, носили наиболее травматичный субъективный характер и присутствуют почти во всех интервью. Нормировалось в первую очередь количество хлеба, которое могли получить те или иные категории советских людей: рабочим (в зависимости от категории) полагалось, например, от 400 до 800 граммов хлеба.

Очевидно, что такое количество продуктов не позволяло удовлетворять насущные потребности людей: в письме, датированном 1947 годом, мы находим следующее описание рациона семьи из шести человек: «...живем сейчас неважно. Картошка вся вышла, а на базаре

ведро стоит 75–80 рублей, которого на нашу семью хватает только на два варева. Так что наше меню весьма скромно: в большинстве хлеб и чай» [11, л. 208].

Такой тяжелый период в плане обеспечения продуктами питания, как послевоенный, заставлял людей рассчитывать на собственные силы и искать различные способы решения проблем. Рынок того времени, или толкучка, стал местом обмена, которым пользовались все слои населения. Продавалось то, что и так не было лишним. «Мама да другие женщины брали все, что в домах было, да шли на базар и меняли на картошечку там, на капусточку. Вот так сменяют, потом принесут, например, ведро картошечки, а мы его и тянем потихонечку. Так и выживали» (Запись беседы с Л.Б. Рыболовлевой, 1931 г.р., 5.12.2010).

Вместе с «толкучками» появилась более территориально расширенная форма обмена – мешочничество, в которую включались жители городов и сел. Чтобы совершать подобные обменные операции, горожане оставляли своих детей одних и уходили на дальние расстояния от нескольких дней до нескольких месяцев. «Я с женщинами ходила по деревням менять, тогда мне было 15 лет. Рядом с нашим домом находилась спичечная фабрика. Поэтому для обмена у меня были спички, мыло, пачки махорки и некоторые другие вещи, которые могла достать мама. А там меняли на то, что могли дать (кусочек сала, какую-нибудь крупу), и все это несли домой» [12, с. 175].

Память людей о послевоенной повседневности запечатлела не только принимаемые (в соответствии с нравственными устоями советского человека) способы преодоления продовольственных трудностей: острый дефицит продуктов привел к росту так называемой хозяйственной преступности и прежде всего всевозможных махинаций с продовольственными карточками. Некоторые должностные лица, такие как уполномоченные по выдаче карточек, продавцы магазинов, не голодали, поскольку занимались хищениями. Такой образ действия социальные теоретики характеризуют как «использование системы для себя» [13, с. 173].

Как фиксируется в исследовании Д. Фильцера и подтверждается материалами региональных архивов, после отмены карточек резко увеличилось количество служащих, осужденных за хищения государственного имущества. Чиновники, занимавшие стратегические позиции в сети поставок и распределения товаров, приобрели неограниченные возможности для хищений и проведения различных операций на черном рынке, в чем проявляли удивительную находчивость [14, с. 118].

Основные способы мелких хищений похожи в разных регионах страны. Работники предприятий разными способами выносили хлеб, зерно, муку [15, с. 86], [19, л. 13] (об этом см., например, [16]). Объективная основа махинаций и хищений, ставшая привычной чертой послевоенной повседневности, – продовольственный кризис в стране, вызванный последствиями разрушительной войны.

Если обобщить стратегии выживания в условиях «скрытого голода», характеризующего послевоенные годы, то становится очевидным, что кризисная ситуация обнаруживает истинные качества людей, их сущность, диктуя способы существования. С одной стороны, труд на земле, дающий свои плоды; рынок как сфера обмена; мешочничество как некий прообраз челночества в более позднюю кризисную эпоху 90-х; с другой стороны – активизация незаконных способов добывания продовольствия – махинации с карточками, спекуляция, хищения – драматические реалии послевоенной повседневности.

Последствия войны сказались не только в сфере продовольствия, дефицит которого воспринимался как главная проблема повседневной жизни, вся социальная сфера оказалась разрушенной. Не могла не обостриться жилищная проблема. После окончания Великой Отечественной войны жилищно-коммунальная сфера находилась в плачевном состоянии. Конечно, была прин-

ципиальная разница между территориями, разрушенными войной, и регионами тыловыми, но и в них не отремонтированные во время войны дома, ветхое жилье не могли вместить эвакуированных в годы войны и оставшихся в этих регионах переселенцев. В целом ситуация с обеспечением жильем была одной из тяжелейших проблем послевоенного восстановления страны.

Статистические данные, выводы и наблюдения, отражающие реалии послевоенного времени в разных частях СССР, демонстрируют общие черты. Можно предположить, в каких условиях жили люди, если учесть, что, например, в 1950 году жилищный фонд вырос до 513 млн кв. м (то есть стал на 90 % больше, чем в 1940 году), но при этом на одного жителя приходилось всего 4,67 кв. м жилья (на 8 % меньше, чем перед войной). В том же 1950 году считалось вполне обычным явлением, когда женщин-работниц селили в бараки по 40 и даже по 99 человек в одной комнате [14, с. 128].

Приходилось жить не только в домах, какими бы ветхими они ни были, но и в общежитиях, бараках, приспособленных под общежития, надворных банях, комнатухах и чуланах, имевшихся на предприятиях, и др. Складывалась парадоксальная ситуация, когда предприятия промышленности не могли развиваться и увеличивать темпы строительства жилья из-за нехватки рабочей силы и в то же время не могли расширить штат работающих, так как людям негде было жить; особенно это касалось молодых людей, прибывавших в город в поисках работы из сельской местности, части демобилизованных.

Об условиях жизни в общежитиях можно судить по документам того времени. Прокурорская проверка, проведенная на предприятиях Подмосквовного угольного бассейна в 1947 году, выявила, что в среднем на одного работника, живущего в квартире, приходилось менее 4 кв. м жилой площади, а в общежитии – менее 3 кв. м. В распоряжении комбината «Московуголь» имелось 3057 комнат в общежитиях, в среднем по пять коек в каждой. Но на этих 15 560 спальных мест требовалось разместить 26 тысяч холостых работников и еще 3600 семейных. Половина из них была вынуждена спать на нарах. В помещениях хронически не хватало мебели: один стол – на десять человек, один стул – на троих, одна прикроватная тумбочка – на пятерых и один гардероб на 21 человека. На семь комнат имелась всего одна ванна. На 257 общежитий насчитывалось 84 комнаты для сушки, то есть, по сути, людям негде было просушить влажные спецовки и верхнюю одежду [14, с. 131].

Столь подробная цитата архивного источника, приведенная здесь и фиксирующая бытовую неустроенность рабочих одной конкретной территории, указывает на типичность ситуации, демонстрируя черты послевоенного быта промышленных рабочих – тесноту, плохие санитарные условия, нехватку мебели.

Скученность, отсутствие элементарных удобств не могли не усложнять повседневность людей, создавая ситуацию, когда простые вещи требовали значительных усилий. Отсутствие жилья, плохое его качество были повсеместны, и это было тяжелое наследие разрушительной войны, последствия которой проявлялись не только на территориях, пострадавших от военных действий.

Субъективное восприятие проблем с жильем отражают архивные документы: письма-жалобы постоянно поступали в органы местной власти [17]. Но феномен послевоенного времени заключается в том, что по сравнению с трагедией войны все проблемы, касающиеся личного обустройства и уюта, воспринимались как сугубо индивидуальные, преходящие, не заслуживающие внимания в свете общей идеологии жертвенности и веры в светлое будущее. Общая судьба, потеря близких, общие переживания трудностей привели к тому, что соседские отношения превратились почти в родственные: они были полны общих переживаний, радост-

ных и трагических. Получение похоронок, коллективное оплакивание погибших – общее горе; праздники, застолья, демонстрации – общая радость. Взаимопомощь и коллективизм можно считать отличительными чертами того времени, именно они остались в памяти как черты повседневной жизни, ставшие главным ресурсом адаптации к тяжелой жилищной ситуации.

Коллективная память о послевоенном времени сохранила образ человека той эпохи. Например, как он был одет. Достаточно вспомнить суровые природные условия многих регионов СССР, чтобы понять, что одежда не просто дань моде, а средство выживания в суровых условиях. Архивные материалы содержат тысячи жалоб, просьб, требований граждан обеспечить их необходимой одеждой.

Готовую одежду покупали сравнительно редко, материальные возможности были очень ограниченными, да и в свободной продаже вещей было чрезвычайно мало. Иногда одежду жителям провинций привозили из Москвы, Ленинграда и других крупных промышленных городов члены семьи, бывавшие там в командировках (Запись беседы с М.М. Семеновских, 1921 г.р., 13.04.2009).

В свободной продаже отрезы на платья фактически не появлялись. Были бирки – такое название получили разрешительные талоны, выдававшиеся населению. На предприятиях бирки распределяло начальство, по преимуществу в собственном кругу [16, с. 116].

До 1946 года можно было получить ношеную одежду, собранную американскими гражданами. О. Лейбович описывает процесс распределения подобной одежды (американских подарков) в одной из строительных организаций г. Молотова, когда семьи погибших воинов, инвалидов войны, семьи военнослужащих и нуждающиеся многосемейные рабочие получали почти не пригодные для носки вещи, тогда как лучшее доставалось руководству [16, с. 116–117].

Кроме того, распределение вещей сопровождалась длительной бюрократической волокитой. Человек должен был написать просьбу на предприятие, на котором он работал. Специальная комиссия оценивала его жизненные условия и только в том случае, если проситель признавался нуждающимся, он мог рассчитывать на помощь. Однако часто просьбы людей удовлетворялись довольно странным образом. Например, семья фронтовика, состоящая из жены и двух детей 3 и 5 лет, обратилась с заявлением в областной комитет партии с просьбой о помощи. У них не было абсолютно никакой обуви, пальто, платья, юбок, постельных принадлежностей. Проверка подтвердила положение этой семьи и постановила выдать им «1 пару детских валенок, 1 платье женское, 1 комбинацию детскую» [18, л. 216–219].

Ношенные предметы одежды можно было купить на толкучке или обменять.

Семьи партийно-советской номенклатуры и приближенный к ней хозяйственный, военный, научный и культурный актив, что в целом по стране составляло, по подсчетам В.Ф. Зими, не более 5 % населения, выделялись на фоне повсеместной ограниченности доступа к товарам и услугам [10, с. 55], и это тоже находит отражение в воспоминаниях респондентов. «Конечно, мода была! Мы ради фасона, чтобы шагать в ногу с ним, были готовы на все. Но ведь раз круг общения у нас такой был – театр, филармония, друзья все такие важные в городе люди, мы и стремились одеваться соответственно. Положение нас обязывало» (Запись беседы с Е.А. Никоновой 1930 г.р., 01.12.2011).

Обобщая все практики, можно сказать, что доступные простым людям способы приобретения одежды (покупка новой, а чаще ношенной одежды, получение по распределению на предприятиях, шитье) не могли их достойно обеспечить. Имеющиеся вещи должны были служить долгую службу, перелицовываясь, перешиваясь, переходя от старших детей к младшим. Бережное отношение к одежде – черта повседневности, пережившая время.

Как уже отмечалось ранее, смысл, придаваемый определенному событию, реалиям повседневной жизни, не может быть истолкован вне соотнесения с объективно известными уже чертами описываемого времени.

Главной чертой переходного этапа от войны к миру историки считают комплекс надежд и ожиданий после победоносного завершения войны. Е. Зубкова справедливо отмечает, что надежды на лучшее «были реальностью послевоенного бытия, одной из составляющих стратегии выживания» [19, с. 4]. Основная надежда рядового человека заключалась в том, что все трудности и лишения военного времени наконец-то остались позади, что теперь его оставят в покое и дадут возможность обустроить свою судьбу, утверждает Д. Фильцер, ссылаясь на работы отечественных историков и результаты собственных исследований [14, с. 18].

Вместе с тем столь же важной характеристикой времени следует признать усталость и невероятную нищету народа. Сошлемся на мнение Е. Зубковой, полагающей, что «для большинства советских людей период мира в смысле выживания оказался не менее сложным, чем время войны» [19, с. 4].

Оценивая восприятие войны и послевоенных лет, представленное в воспоминаниях респондентов, отражающих их личный опыт и позволяющих обобщить индивидуальные стратегии адаптации к жизни в сложный и переломный момент истории, не будем забывать о том, что они обусловлены теми чертами переходного периода, о которых мы уже упоминали. Анализ устных источников приводит к выводу, что послевоенный период, именно из-за сложности физического выживания людей, не оставлял возможности для рефлексии и оценки войны как травмы. С точки зрения восприятия войны как травматогенного события, существенным образом изменившего судьбу каждого человека, послевоенный период можно определить как латентный. Для этого были и субъективные причины, заключающиеся в нежелании возвращаться к утратам и страданиям военного времени – травмирующие воспоминания хотелось оставить в прошлом.

Значимость тех или иных личных событий определялась во многом психологическим настроением общества, сформированным в большей мере комплексом надежд на достойную лучшую жизнь, чем осознанием трудности повседневного бытия. Ожидание светлого будущего делало незначительными индивидуальные проблемы, идеология жертвенности способствовала тому, что «переживание боли» было отодвинуто в зону молчания [20, с. 3].

Позитивному психологическому климату в обществе способствовали экономические события, имевшие значительный резонанс в обществе, – отмена карточной системы, ежегодное снижение цен. Как отмечает Е. Зубкова, психологическое влияние снижения цен было столь велико, что пережило свою эпоху, поскольку до сих пор ассоциируется у представителей старшего поколения с заботой о благе народа. В целом это закрепляло нежелание рационально оценивать негативные черты повседневности.

Вернувшись к анализу материалов исторических интервью, запечатлевших определенные факты жизни, заметим, что «человек интерпретирует свою личную историю, создает из различных фактов цельные события, которые на протяжении жизни меняют свои смыслы и границы» [21, с. 67].

Социально-экономические условия послевоенных лет не предоставили возможности людям, пережившим войну, осознать войну как травмирующее событие; победная сущность войны и заслуженная гордость победителя сконцентрировала внимание на ее победной стороне. Интервью, проведенное по истечении значительного срока после самого события, имеет значение хотя бы потому, что позволяет, проследив весь жизненный путь человека, оценить влияние события на всю его жизненную траекторию.

Анализ интервью приводит к заключению, что одним из критериев определения травматичности того или иного события, в данном случае войны, можно считать частотность обращения респондентов к этому событию.

Обращение памяти к возможному, но упущенному в прошлом – тот момент осознания истины, который объединяет сюжеты и отдельные фрагменты воспоминаний.

Приведем выдержки из воспоминаний нескольких респондентов, характеризующих типичные проявления влияния последствий войны на судьбы людей: возможность или невозможность получить образование, выбор профессии, здоровье, нравственные ценности.

Прежде всего приходит понимание того, что многие возможности (успех профессиональный, личная жизнь) упущены, и причиной тому война.

Оценка обыденных, насущных вещей, ставшая значимой ментальной характеристикой, передаваемой следующим поколениям, также сформирована страданиями войны. Так, отношение к еде, воспоминания о недоедании присутствуют в каждом сюжете. Фразы «мы знаем цену хлеба», «не могу смотреть, когда не доедают» воспринимаются как нравственные категории, отражающие сущностные характеристики менталитета народа, пережившего тяготы и страдания.

Война выступает в качестве отправной точки в оценке и других жизненно важных категорий. «После войны этой понимали цену здоровью и жизни». Это понимание, как оказывается в процессе размышления о своей судьбе, повлияло на выбор профессии. «Во время войны в городе были госпитали с ранеными – голова, шея. Мы, школьники, ухаживали за ними. Может быть, потому я и выбрала такую специальность для себя в будущем, потому что привыкла к этому» (Запись беседы с Е.Д. Пономарёвой, 1924 г.р., 01.05.2010).

Таким образом, изучение послевоенной повседневности, когда травмирующее влияние войны как социального события, имевшего негативные последствия для общества, было наиболее явным, дает возможность прийти к нескольким заключениям.

Время, отделившее войну от настоящего времени, не смогло изменить сущности человека, в которой война – точка отсчета. Индивидуальная память формирует коллективную историческую память, историческое сознание – сохранение и осмысление исторического опыта общества.

Анализ архивных материалов и сопоставление отложившихся в памяти людей в качестве значимых моментов их личной истории, тех или иных событий, относящихся к послевоенному времени, позволяет сделать некоторые обобщения, касающиеся восприятия повседневных рутинных практик бытия, отношения к проблемам и трудностям времени, обусловленным последствиями разрушительной войны, отражения в повседневности идеологического духа эпохи. Изучение индивидуальных стратегий выживания демонстрирует их обусловленность внешними обстоятельствами. Задача физического выживания не оставляла возможности для рефлексии войны как травмы.

Как уже было отмечено, стратегии выживания определяются во многом социальной стратификацией общества и принадлежностью человека к той или иной его части. Вместе с тем из индивидуальных практик складывается представление о доминирующем способе преодоления трудностей и переживания травмы, и этот способ пассивный – не преодоление, а приспособление к реальности: выжить, обеспечив себя продуктами питания, одеждой, жильем, иметь возможность воспитать детей, позволяет квалифицировать послевоенный период как пассивный с точки зрения «совладания с травмой».

Механизмы, с помощью которого люди – участники социальных потрясений – учились переживать негативное воздействие травмирующих событий можно характеризовать как процесс рутинизации травмы – приспособления к травме в процессе травмирования.

Список литературы

1. Штомпка П. Социология: анализ современного общества / пер. с пол. С.М. Червонной. – М.: Логос, 2005. – 664 с.
2. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
3. Cultural Trauma and Collective Identity / J.C. Alexander, R. Eyerman, B. Geisen, N. Smelser, P. Sztompka. – Berkeley: University of California Press, 2004. – 304 p.
4. Серто М. де Изобретение повседневности / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб.: Изд-во Евр. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.
5. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. – М.: Новое лит. обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. – 816 с.
6. Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое лит. обозрение, 2005. – 784 с.
7. Дегтярев А.К. Социокультурная травма в формировании российской идентичности // Гуманитарий Юга России. – 2013. – № 3. – С. 26–35.
8. Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 211 с.
9. Лейбович О. Л. Дом о трех этажах, или Как изучать повседневность поздней сталинской эпохи // Астафьевские чтения. – 2009. – С. 250–264.
10. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. – М., 1996. – 266 с.
11. Фонд Тюменского городского комитета КПСС // ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тюменской области). Ф. 7. Оп. 4. Д. 13.
12. Селянинова Г.Д. Карточная система, мешочничество, натурализация и другие средства выживания советских людей в тылу и на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны // Человек и война: Воспоминания ветеранов фронта и тыла, детей войны. – Пермь, 2010. – С. 168–177
13. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. – М: Европа, 2005. – 527 с.
14. Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2011. – 359 с.
15. Фонд Тюменского городского комитета КПСС // ГАСПИТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1287
16. Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. – М., 2008. – 296 с.
17. Фонд Тюменского городского комитета КПСС // ГАСПИТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1257.
18. Фонд Тюменского областного комитета ВКП(б) // ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 4. Д. 92
19. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953 гг. – М.: РОССПЭН, 2000. – 232 с.
20. Ушакин С. «Нам этой болью дышать?» О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: сб. ст. / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. – М.: Новое лит. обозрение, 2009. – С. 5–44.
21. Сергейчик Е.М. Историческая идентичность: территория и карта // Вестник СПбГУ. Сер. 17. – 2016. – Вып. 1. – С. 63–71.

References

1. Sztompka P. *Sotsiologiya: analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology: analysis of modern society]. Moscow, Logos, 2005, 664 p.
2. Sztompka P. *Sotsial'noe izmenenie kak travma (stat'ia pervaya)* [Social change as trauma (article one)]. *Sociologicheskie issledovaniia*, 2001, no. 1, pp. 6–16.
3. Alexander J. C., Eyerman R., Geisen B., Smelser N. & Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, University of California Press, 2004, 304 p.
4. De Serto M. *Izobretenie povsednevnosti* ["The practice of everyday life"]. Saint Petersburg, Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, 2013, 303 p.
5. Gudkov L. *Negativnaia identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov* [Negative identity. Articles 1997–2002.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2004, 816 p.
6. Gudkov L. «Pamiat'» o voine i massovaia identichnost' rossiian ["Memory" of the war and mass identity of Russians]. *Pamiat' o voine 60 let spustia: Rossiia, Germaniia, Evropa*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2005, 784 p.
7. Degtiarev A.K. *Sotciokul'turnaia travma v formirovanii rossiiskoi identichnosti* [Socio-cultural trauma in the formation of Russian identity]. *Gumanitarii Yuga Rossii*, 2013, no. 3, pp. 26–35.
8. Kimerling A.S. *Vypolnit' i lukavit': politicheskie kampanii pozdnei stalinskoi epokhi*. [Run and dissemble. Political campaigns of the late Stalin era]. Moscow, 2017, 211 p.
9. Leibovich O. *Dom o trekh etazhax, ili kak izuchat' povsednevnost' pozdnei stalinskoi epokhi* [House of the three floors or how to study the everyday life of the late Stalin era]. *Asta'evskie chteniia*, 2009, pp. 250–264.
10. Zima V.F. *Golod v SSSR 1946–1947 godov: proiskhozhdenie i posledstviia* [Famine in the USSR 1946–1947: origins and consequences]. Moscow, 1996, 266 p.
11. *Fond Tiimenskogo gorodskogo komiteta KPSS*. [Fund of the Tyumen city committee of the CPSU]. *GASPI TO (Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii Tiimenskoi oblasti)*, f. 7, op. 4, d. 13.
12. Selianinova G.D. *Kartochnaia sistema, meshochnichestvo, naturalizatsiia i drugie sredstva vyzhivaniia sovetskikh liudei v tylu i na okkupirovannoi territorii v gody Velikoi otechestvennoi voiny* [Card system, bagging, naturalization and other means of survival of Soviet people in the rear and in the occupied territory during the great Patriotic war]. *Chelovek i voina: Vospominaniia veteranov fronta i tyla, detei voyny*. Perm', 2010, pp. 168–177.
13. Kozlova N.N. *Sovetskie liudi. Stseny iz istorii* [Soviet people. Scenes from the story]. Moscow, Evropa, 2005, 527 p.
14. Filtzer D. *Sovetskie rabochie i pozdnyi stalinizm. Rabochii klass i vosstanovlenie stalinskoi sistemy posle okonchaniia Vtoroi Mirovoi voiny* [Soviet workers and late Stalinism. The working class and the restoration of the Stalinist system after II World War]. Moscow, 2011, 359 p.
15. *Fond Tiimenskogo gorodskogo komiteta KPSS*. [Fund of the Tyumen city committee of the CPSU]. *GASPI TO*, f. 7, op. 1, d. 1287.
16. Leibovich O. *V gorode M. Ocherki sotsial'noi povsednevnosti soveskoi provintcii* [In the city of M. Essays of social everyday life of the Soviet province]. Moscow, 2008, 296 p.
17. *Fond Tiimenskogo gorodskogo komiteta KPSS*. [Fund of the Tyumen city committee of the CPSU]. *GASPI TO*, f. 7, op. 1, d. 1257.
18. *Fond Tiimenskogo oblastnogo komiteta VKP(b)*. [Fund of the Tyumen region committee of the VKP (b)]. *GASPI TO*, f. 124, op. 4, d. 92.
19. Zubkova E.Iu. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost' 1945–1953 gg.* [Postwar Soviet society: politics and everyday life 1945–1953] Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, 2000, 232 p.
20. Ushakin S. «Nam etoi bol'iu dyshat'?» O travme, pamiat' i soobshchestvakh ["Us this pain breathe?" Trauma, memory and communities]. *Travma: punkty*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, pp. 5–44.
21. Sergeichik E. M. *Istoricheskaia identichnost': territorii i karta* [Historical identity: territory and map]. *Vestnik Saint Petersburg University*, 2016, seriia 17, no. 1, pp. 63–71.